

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ ПРАВО

PUBLIC INTERNATIONAL
AND PRIVATE INTERNATIONAL LAW

К 80-ЛЕТИЮ ООН

4 (141) / 2025

Научно-практическое и информационное издание

ISSN 1812-3910

9 771812 391778 >

Юристъ
издательская группа

Международное публичное и частное право № 4⁽¹⁴¹⁾ / 2025

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-80841 от 9 апреля 2021 г. Журнал издается с 2001 г. Издается 2 раза в полугодие.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ»

Содержание

НОМЕР К 80-ЛЕТИЮ ООН

ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ — 80 ЛЕТ

Кузнецов В.В. Обращение к читателям	2
Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Правозащитное измерение концепции устойчивого развития в международном праве	3
Борисов А.Н. Российская ассоциация содействия ООН и роль неправительственных организаций в развитии международного права в условиях глобальных изменений	9
Трунцевский Ю.В., Шульга С.В. ООН и значение международных объединений в грядущем мироустройстве	12
Нигматуллин Р.В. Международное сотрудничество государств в борьбе с киберпреступностью	18
Нурмагамбетов Р.Г., Морозов А.Н., Боброва Ю.В., Каширкина А.А. Евразийский экономический союз в орбите Организации Объединенных Наций: фарватер для международного сотрудничества	23
Дементьев А.А., Сорокин К.А. Фонд для возмещения потерь и ущерба в системе финансового механизма РКИК ООН: правовая природа, экономико-правовые инструменты и стандарты ответственности	29
Сергеева О.В. Правовое регулирование онлайн-разрешения трансграничных споров с участием потребителей: тенденции развития	34

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Торкунова Е.А. Право на целостность личности европейской системе защиты прав человека	39
--	----

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Страмилов С.Ю. Гендерные особенности и квалификация убийств женщин (фемцида) по законодательству зарубежных стран	45
--	----

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.1.3, 5.1.4, 5.1.5 — юридические науки).

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Материалы журнала размещаются в электронной справочно-правовой системе «КонсультантПлюс».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виноградов В.А., д.ю.н., проф.;
Егорова М.А., д.ю.н., проф.;
Есяян А.К., д.ю.н., проф. (Армения);
Капустин А.Я., д.ю.н., проф.;
Карпович О.Г., д.ю.н., проф.;
Кропачев Н.М., д.ю.н., проф., чл.-корр. РАН;
Марочкин С.Ю., д.ю.н., проф.;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., проф.;
Попов Е.В., к.ю.н.;
Сальников В.П., д.ю.н., проф.;
Сергевнин В., д.ю.н., проф. (США);
Слюсарь Н.Б., к.ю.н.;
Степанов О.А., д.ю.н., проф.;
Суханов Е.А., д.ю.н., проф.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., проф.,
заслуженный юрист РФ, академик РАО

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Трунцевский Ю.В., д.ю.н., проф.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Машаров Е.И., к.ю.н.

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР НОМЕРА:

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., проф.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Платонова О.Ф.

КОРРЕКТУРА: Шешеня Н.М.

ВЕРСТКА: Калинина Е.С.

Адрес редакции / издательства:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел. редакции: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
http: www.lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Подписные индексы журнала:

Почта России. Электронный каталог — П1697;
Агентство «Урал-Пресс» — 39431.

Цена свободная.

Формат 60x90/8.

Печать офсетная.

Физ. печ. л. 7.0. Усл. печ. 7.0.

Общий тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

ISSN 1812-3910

Номер подписан в печать: 07.11.2025.

Номер вышел в свет: 04.12.2025.

DOI: 10.18572/1812-3910-2025-4-39-44

Дата поступления: 28.07.2025. Дата принятия к публикации: 09.10.2025.

Право на целостность личности в европейской системе защиты прав человека

Торкунова Екатерина Анатольевна,

доцент кафедры интеграционного права и прав человека

Московского государственного института международных отношений (университета)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

кандидат юридических наук

katytorkunova@gmail.com

Право на физическую и психическую целостность личности как фундаментальное соматическое право имеет специфику закрепления на европейском региональном уровне защиты прав человека. Эти особенности проявляются в многообразии источников закрепления, а равно в неравномерном отражении в рамках двух основных европейских региональных систем защиты основных прав — брюссельской и страсбургской. Настоящая статья фокусирует особое внимание на практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который в своих постановлениях сформулировал право на целостность личности, в частности в решении по делу *Pretty v. UK*. В статье анализируется подход ЕСПЧ к раскрытию содержания права на целостность личности, его генезису и месту среди основных прав, а также интерпретации взаимосвязи данного субъективного права с системой гарантий, создающих основу для реализации танатологических прав и нейроправ.

Ключевые слова: целостность личности, соматические права, танатологические права, ЕСПЧ, международные стандарты, европейские стандарты, судебная практика, нейроправа.

Вступительные замечания¹

Анализ европейских стандартов защиты права на целостность личности представляет значительный интерес для российского правоведения и практики, несмотря на сложившуюся политико-правовую ситуацию и выход Российской Федерации из юрисдикции Европейского суда по правам человека. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, а также практика ЕСПЧ долгое время служили важным ориентиром для формирования российской правозащитной системы. В современных условиях, требующих развития собственных механизмов и стандартов защиты фундаментальных прав, европейский опыт сохраняет свою ценность в качестве источника доктринальных подходов и аргументации, подлежащих критическому осмыслению и адаптации с учетом национальных правовых традиций, суверенных интересов и общественных устоев.

Право на целостность личности является центральным соматическим правом и создает основу для развития составной и разветвленной системы соматических прав: морфологических, репродуктивных, генетических, танатологических, а также

нейроправ. Настоящая статья ставит акцент на ключевом постановлении Европейского суда по правам человека, в котором на основе интерпретации Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) формулируется право на физическую и психическую целостность как право неабсолютное, последовательно анализируются танатологические аспекты личной целостности, а также создается задел для обеспечения в будущем нейроправ, вытекающих из личной психической целостности.

Представленное в статье исследование базируется на сочетании сравнительно-правового метода и системного подхода в ходе изучения особенностей закрепления права на целостность личности в рамках «страсбургской» системы защиты прав личности, а равно при использовании метода анализа косвенных данных.

2. Право на целостность личности как фундаментальное право в системе защиты прав человека на европейском региональном уровне

Право на целостность личности отражается в ряде международных документов на европейском региональном уровне в качестве фундамен-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00856, <https://rscf.ru/project/25-28-00856/>

тального права человека. Общеизвестно, что в рамках системы защиты основных прав ЕС это право напрямую закрепляется в положениях Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г. (далее — Хартия ЕС), которая со вступлением в силу Лиссабонского договора в 2009 г. была приравнена по своей юридической силе к учредительным договорам ЕС. Статья 3 Хартии ЕС в первой ее части непосредственно говорит о праве на целостность личности, подчеркивая двуединство физической и психической целостности индивида, а во второй части устанавливает четыре основные гарантии реализации этого права².

Провозглашение этого права на уровне ЕС носит неоднозначный характер. Во-первых, по действию в пространстве норма ст. 3 Хартии ЕС действует только в 27 странах Европы. Во-вторых, из положений упомянутой статьи четко следует лишь вывод о принадлежности права на целостность личности к основным правам. Из положений Хартии сложно выявить взаимосвязь права на целостность личности с другими правами, помимо уважения достоинства личности. В-третьих, ст. 3(2) Хартии охватывает гарантии только в отношении морфологической, репродуктивной и отчасти генетической составляющей права на физическую целостность личности, оставляя открытым вопрос о танатологическом аспекте физической целостности и психической составляющей данного права в целом. В-четвертых, неясно, может ли это право быть ограничено государством. Официально принятые Разъяснения к Хартии ЕС не отвечают на эти вопросы, равно как и практика Суда ЕС. Подобные пробелы в системе защиты прав человека на уровне ЕС призваны заполнить положения ст. 52(3) Хартии ЕС, которые носят бланкетный характер и говорят о тождественности в толковании прав, предусмотренных Хартией ЕС и ЕКЧП.

Нормы ЕКЧП как центрального акта советоевропейской системы защиты основных прав распространяются на большинство государств Европы, но сама Конвенция ничего не говорит о праве на целостность личности. Нормы Конвенции Овьедо 1997 г. также не затрагивают целостность личности (Конвенция о защите прав

и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине), она просто перечисляет комплекс гарантий физической целостности личности³. Им корреспондируют положения ст. 3(2) Хартии ЕС. В то же время система защиты прав человека в рамках Совета Европы признает рассматриваемое субъективное право, основываясь на практике ЕСПЧ. В практике Суда право на целостность личности закреплено путем толкования положений ЕКЧП в ряде постановлений, центральным из которых является Постановление ЕСПЧ в деле *Pretty v. the United Kingdom*⁴ от 29 апреля 2020 г.

Представленный анализ европейских механизмов закрепления права на целостность личности актуален для российской правовой системы, находящейся в процессе выработки самостоятельных стандартов в условиях прекращения действия юрисдикции ЕСПЧ в отношении России. Опыт европейских систем демонстрирует возможные модели легитимации и ограничения сложных соматических прав, что может быть учтено российским законодателем. Однако прямое заимствование европейских стандартов, особенно в таких чувствительных сферах, как танатологические права, без учета специфики национального правосознания и социально-культурного контекста, представляется малопродуктивным. Задача заключается в формировании собственного, взвешенного подхода к балансу между автономией личности в распоряжении своей физической и психической целостностью и необходимостью защиты публичных интересов, жизни и здоровья граждан, особенно уязвимых групп населения.

3. Право на целостность личности как фундаментальное соматическое право в деле Претти

Каждое дело, рассматриваемое ЕСПЧ, открывает для нас очередную личную трагедию. Дело Претти не является исключением. Заявителем по данному делу была Дайан Претти, 43-летняя замужняя британка, страдавшая от тяжелой неизлечимой болезни, бокового амиотрофического склероза (БАС). Это заболевание связано с поражением центральной нервной системы, вы-

² Имеются в виду следующие гарантии: требование информированного добровольного согласия, запрет евгенических практик, запрет извлечения прибыли из человеческого тела и его частей, запрет репродуктивного клонирования человека.

³ Калиниченко П.А., Косилкин С.В. Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 110.

⁴ Application No 2346/02 *Pretty v UK* // EHRR. 2002. 35. 1.

ражающимся в постепенном ослаблении мышц тела. Оно приводит к сильному ослаблению мышц конечностей, а также мышц, отвечающих за дыхание. Причиной смерти обычно является дыхательная недостаточность или развившаяся на ее основе пневмония. Современная медицина бессильна перед течением этой болезни.

Рассматриваемое дело имело в своей основе сложный этический случай. Претти была очень больна, она не могла двигаться, говорить и ела через трубку-зонд. При этом она понимала все происходящее и была в состоянии принимать решения. Телесные боль и страдания без какой-либо перспективы на их прекращение привели ее к желанию умереть. Проблема в том, что чисто физически Дайан Претти не могла сделать это самостоятельно в силу специфики заболевания БАС.

Напротив, содействие самоубийству наказуемо по английскому праву (ст. 2(1) Акта о самоубийстве 1961 г.). В июле 2001 г. адвокат Дайан Претти попросил британские власти не наказывать ее мужа, если он «поможет ей умереть». Просьба была отклонена властями. Супруги Претти обжаловали отказ в британских судебных органах различного уровня, включая Палату лордов, но все оказалось безуспешно. В декабре 2001 г. Претти направила жалобу в ЕСПЧ. Заявительница утверждала, что английские законы нарушают ст. 2 (право на жизнь), 3 (запрет пыток), 8 (право на частную жизнь), 9 (право на свободу мысли) и 14 (запрет дискриминации) ЕКПЧ.

ЕСПЧ отклонил ее жалобу по всем пунктам. Тем не менее Суд в своем постановлении сформулировал принципиальные выводы относительно действия ст. 3 и ст. 8 в случае, когда речь идет о предоставлении законодательной защиты соматических прав, и в частности права на целостность личности.

В своем Постановлении ЕСПЧ по порядку рассматривает каждую из статей, на нарушении которых настаивала заявительница. Как справедливо отмечает М. Сандерсон, «толкованию ст. 8 ЕСПЧ уделено наиболее обширное и значительное внимание»⁵. Интерпретируя положения ст. 8, ЕСПЧ указал, что ЕКПЧ защищает тело человека, но не право выбирать, как и когда умереть⁶. Суд сослался на свои прошлые постановле-

ния⁷, в которых придал понятию «личная жизнь» широкое толкование, включая распространение его на физическую и психическую целостность личности⁸. Таким образом, ЕСПЧ увязывает право на целостность личности с личностными правами, не только с достоинством личности⁹. Дж. Херринг и Дж. Уолл указывают, что «обще-принято, что право на уважение частной и семейной жизни, защищаемое ст. 8 Конвенции, включает право на защиту телесной целостности»¹⁰.

Соответственно, право на целостность личности в Страсбургской системе защиты прав человека толкуется ЕСПЧ как фундаментальное право на основе положений Конвенции об уважении достоинства и частной жизни, т.е. на основе личных (гражданских) прав в контексте защиты человека как биологической субстанции. При этом вслед за конвенциональным ограничением уважения частной жизни ЕСПЧ отказывает праву на целостность личности в его абсолютном характере.

4. Дело Претти как юридическая основа закрепления танатологических прав на европейском региональном уровне

Право на целостность личности как центральное соматическое право является сложной категорией, и многие его гарантии связаны с достижениями медицины, биомедицины, генетики и нейрологии. Медицинские вмешательства могут применяться неправильно или иметь непредсказуемые негативные последствия, но такие вмешательства не должны быть направлены на лишение жизни и должны иметь иные цели.

Очевидно, что дело *Pretty v. UK* не ставит вопрос ни о медицинской помощи, ни о медицинском вмешательстве. В центре внимания в этом деле — проблема содействия добровольному уходу из жизни, что может иметь медицинский аспект, если такую процедуру предусматривает закон. В рассматриваемом же деле случай обратный. ЕСПЧ в данном постановлении отметил, что отказ от лечения может привести к смерти, но

⁵ Sanderson M.A. *Pretty v. United Kingdom*. App. No. 2346/02 // *The American Journal of International Law*. 2002. Vol. 96 (4). P. 945.

⁶ Пункт 18 Постановления по делу *Pretty v. UK*.

⁷ В частности, на пар. 22 Постановления ЕСПЧ от 26 марта 1985 г. по делу *X and Y v. the Netherlands*. Application No. 8978/80 *X and Y v. the Netherlands* // 8 EHRR. 1986. 8. 235.

⁸ Пункт 61 Постановления по делу *Pretty v UK*.

⁹ Milins S. *Death, Dignity and Discrimination: The Case of Pretty v. United Kingdom* // *German Law Journal*. 2002. 3 (10). P. 4.

¹⁰ Herring J., Wall J. *The Nature and Significance of the Right to Body Integrity* // *Cambridge Law Journal*. 2017. Vol. 76 (3). P. 9.

это не означает, что это и есть право на помощь в самоубийстве.

Конечно, ЕСПЧ не признал ни наличия права на смерть, ни каких-либо гарантий свободы смерти в рамках положений ЕКПЧ и их толкования. Однако дело Претти заложило важные основы для признания танатологических прав человека в рамках страсбургской системы защиты прав личности. В частности, это касается свободы смерти и возможности прибегнуть к ассистируемому самоубийству как ее гарантии. Как отмечает А. Педен, сам случай касался вопросов «жизни и смерти»¹¹, однако «дело Претти не об эвтаназии как таковой»¹².

И сторона Претти, и государство представили аргументы в отношении толкования ст. 2, 3, 8 ЕКПЧ. Позиция Претти подчеркнула элемент личного самоопределения, распространяющийся на «решения относительно своего тела и того, что с ним произошло»¹³. Более того, право на распоряжение собственным телом содержит и решение о том, «когда и как умереть», и Дайан Претти утверждала, что оно может быть более тесно связано с образом жизни человека, чем способом и временем его смерти¹⁴. По мнению заявительницы, власти Великобритании нарушили ЕКПЧ, ограничивая такое право.

Напротив, Соединенное Королевство утверждало, что частная жизнь в соответствии со ст. 8 ЕКПЧ «не включает право на смерть. Она охватывает способ, которым человек провел свою жизнь, а не способ, которым он отошел от нее»¹⁵. Однако, если бы положения ст. 8 были истолкованы таким образом, государство имело бы право определять, может ли человек дать согласие на то, чтобы его убили, в том числе и налагать полный запрет на такое деяние. При этом государство имеет право определять в пределах своей свободы усмотрения в отношении лица «степень, в которой тот может дать согласие на нанесение себе телесных повреждений»¹⁶. Очевидно, самой крайней степенью такого согласия будет согласие на помощь в самоубийстве, которую оно может ограничивать.

Разрешая это дело, помимо прочего, ЕСПЧ основывал свою позицию на Рекомендации

1418 (1999) Парламентской ассамблеи Совета Европы, призывающей государства-члены (§ 9) обеспечить во всех отношениях право на жизнь умирающего, включая недопустимость лишения его жизни кем бы то ни было, ни при каких обстоятельствах, включая просьбу самого лица¹⁷.

Также ЕСПЧ принял во внимание канадское дело *Rodriguez v. the Attorney General of Canada*¹⁸, которое было рассмотрено на основе очень похожих фактов. В деле Родригез канадский суд истолковал фразу «безопасность личности» в разделе 726 Канадского закона о правах и свободах как предоставление широкого права личной автономии, расширяющего право выбирать время и способ своей смерти. Постановив, что общественный интерес в защите лиц от принудительной эвтаназии более чем уравновешивает индивидуальный интерес в автономии такого решения, Верховный суд Канады подтвердил конституционность раздела 241 (b)27 Уголовного кодекса Канады, который запрещает помощь в самоубийстве. Судьи согласились с широкой интерпретацией ст. 7 Хартии прав и свобод Канады 1982 г., включающей вопросы жизни и смерти, однако большинство судей Верховного суда Канады указали, что принципы высшей справедливости перевешивают указанное право. Кроме того, права, изложенные в Хартии прав и свобод Канады, расходятся в своих формулировках с положениями ЕКПЧ, в том числе с положениями ст. 8(2).

Следуя аналогичной линии анализа в настоящем деле, ЕСПЧ признал, что лишение Претти возможности осуществить свой выбор в отношении помощи в самоубийстве вполне может считаться вмешательством в ее право на уважение частной жизни. Тем не менее оставался вопрос, может ли такое вмешательство быть оправдано в рамках ст. 8(2), которая запрещает вмешательство государственного органа в осуществление этого права, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны, для предотвращения беспорядков или преступлений, для защиты здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

¹¹ Pedain A. The Human Rights Dimension of the Diane Pretty Case // *The Cambridge Law Journal*. 2003. Vol. 62. No. 1. P. 181.

¹² *Ibid.* P. 205.

¹³ Пункт 58 Постановления по делу *Pretty v. UK*.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Пункт 18 Постановления по делу *Pretty v. UK*.

¹⁶ Application No. 27229/95 *Keenan v. the United Kingdom* // *EHRR*. 2001-III.

¹⁷ Рекомендация 1418 (1999) Парламентской ассамблеи Совета Европы // *CM/Rec(2009)11*.

¹⁸ *Rodriguez v. the Attorney General of Canada* // *LRC*. 1994. Vol. 2, P. 136.

Все это говорит о том, что ЕСПЧ в своих выводах обосновывает танатологические права личности и их гарантии не столько исходя из реализации права на жизнь (поскольку ЕСПЧ не поддержал возможности столь широкой трактовки ее положений), сколько из положений относительно защиты достоинства и частной жизни в аспекте права на физическую и психическую целостность, рассматривая именно его в качестве фундамента для создания системы гарантий танатологических прав личности на европейском уровне.

Таким образом, хотя выводы ЕСПЧ по делу Претти и создали доктринальную основу для развития танатологических прав в Европе, их аналогичное применение в правовом поле России, где вопросы эвтаназии и ассистированного суицида законодательно запрещены (ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), невозможно. Российский законодатель исходит из примата права на жизнь и защиты его от любых посягательств, включая те, что осуществляются по воле самого индивида. Следовательно, ценность европейского опыта для России заключается не в заимствовании конкретных правовых институтов, а в методологии взвешенного подхода к решению этико-правовых дилемм, связанных с окончанием жизни, и в выработке собственных гарантий обеспечения права на достойную смерть в рамках паллиативной помощи и соблюдения права пациента на отказ от медицинского вмешательства.

5. Дело Претти как основа для признания нейроправ на европейском региональном уровне защиты прав человека

Как уже отмечалось выше, Постановление ЕСПЧ по делу *Pretty v. UK* недвусмысленно констатирует наличие права на физическую и психическую целостность среди положений ст. 8 ЕКПЧ. В этом деле Суд дал неравнозначную и далеко не полную интерпретацию положений ст. 2, 3, 8 и 9 ЕКПЧ. В частности, остается непонятным, противоречат ли ст. 3 и 8 ЕКПЧ друг другу в вопросе целостности личности.

В качестве важного элемента права на целостность личности ЕСПЧ указал не только физическую, но и психическую целостность. Но право на целостность (физическую и психическую) включает много аспектов: оно запрещает при-

чинение боли, унижения, а также иные вмешательства в тело и психику.

В решении по делу Претти фактор психической целостности не играет решающего значения. Вместе с тем ЕСПЧ сформировал определенную первичную позицию в отношении развития современных нейроправ в целом и права на психическую целостность личности в частности. Конечно, есть большая разница между вопросом психической уязвимости Претти в связи с ее физическим состоянием и вопросами принудительного лечения лекарствами, других принудительных психиатрических действий и практик, включая шумовое, световое и зрительное воздействие на нейроактивность, принудительное хирургическое вмешательство в мозговую деятельность и любое иное вмешательство в мозговую активность. Тем не менее появление самой формулы права на психическую целостность личности и широкое толкование положений о защите достоинства и частной жизни позволили в дальнейшем истолковать положения ЕКЧП таким образом, что они охватывают запрет упомянутых воздействий и практик в области подавления психической активности личности.

6. Заключение

Дело Претти стало ключевым для закрепления права на целостность личности в рамках страсбургской системы защиты основных прав. Во-первых, ЕСПЧ однозначно определил два компонента целостности личности: физическая целостность и психическая целостность, имеющие первично биологический и медицинский контекст, что само по себе относит рассматриваемое право к соматическим правам личности. Во-вторых, в соответствии с позицией ЕСПЧ генезис права на целостность личности заключается не только в его связи с уважением достоинства, как проистекает из положений Хартии ЕС, но и напрямую с уважением частной жизни, компонентом которой является целостность личности. Право на целостность личности в страсбургской системе защиты основных прав не является абсолютным и может быть ограничено государствами на основе тех же критериев, что и права на уважение частной жизни. ЕСПЧ также увязал в решении по делу Претти целостность личности с реализацией права на жизнь и свободу мысли. В-третьих, Постановление по делу Претти под-

тверждает, что право на целостность личности является центральным соматическим правом человека. Дело Претти, помимо того, что создает основу для развития морфологических, репродуктивных и генетических прав, дает основу для развития танатологических прав и нейроправ, основывающихся также на концепте физической и психической целостности личности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значимости европейского опыта защиты права на целостность личности для современной России. Несмотря на отказ от юрисдикции ЕСПЧ, Российская Федерация продолжает участвовать в универсальных международных правозащитных механизмах (ООН) и сохраняет обязательства по соблюдению фундаментальных прав человека. Европейские стандарты, сфор-

мулированные в практике Суда ЕС и ЕСПЧ, представляют собой богатый доктринальный материал для отечественного правоприменителя и законодателя. Они могут быть использованы при разработке национальных стандартов в области биомедицины, генетики, цифровизации и нейротехнологий, т.е. в тех сферах, где физическая и психическая целостность личности сталкивается с новыми вызовами. Ключевой задачей для России видится не механическое копирование, а творческая адаптация этого опыта, его фильтрация через призму российских конституционных ценностей, социальных интересов и правовых традиций для формирования самобытной, но соответствующей современным вызовам системы гарантий соматических прав личности.

Литература

1. Калиниченко П.А. Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России / П.А. Калиниченко, С.В. Косилкин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 108–118.

References

1. Herring J. The Nature and Significance of the Right to Body Integrity / J. Herring, J. Wall // Cambridge Law Journal. 2017. Vol. 76 (3). P. 566–588.
2. Milins S. Death, Dignity and Discrimination: The Case of Pretty v. United Kingdom / S. Milins // German Law Journal. 2002. Vol. 3 (10). P. 4–14.
3. Pedain A. The Human Rights Dimension of the Diane Pretty Case / A. Pedain // The Cambridge Law Journal. 2003. Vol. 62 (1). P. 181–206.
4. Sanderson M.A. Pretty v. United Kingdom. App. No. 2346/02 / M.A. Sanderson // The American Journal of International Law. 2002. Vol. 96 (4). P. 943–949.

Внимание!

Электронные версии статей и журналов
Издательской группы «Юрист»
можно приобрести на сайте lawinfo.ru

Для приобретения электронной версии
нужно зайти на страницу интересующего
Вас издания и оформить покупку.

Public International and Private International Law № 4 ⁽¹⁴¹⁾ / 2025

Registered at the Federal Service for the Monitoring in the Sphere of Mass Communications, Communication and Protection of Cultural Heritage. Reg PI No. FC77-80841 of April 9, 2021. Published since 2001. Published twice a half-year.

FOUNDER: JURIST PUBLISHING GROUP

Contents

THE 80TH ANNIVERSARY OF THE UNITED NATIONS ORGANIZATION

V.V. Kuznetsov. Address to the Readers.....	2
A.Kh. Abashidze, A.M. Solntsev. The Human Rights Advocacy Dimension of the Sustainable Development Concept in International Law	3
A.N. Borisov. The Russian United Nations Association and the Role of Non-Governmental Organizations in the Development of International Law in the Context of Global Transformations.....	9
Yu.V. Truntsevsky, S.V. Shulga. The UN and the Importance of International Associations in the Future World Order	12
R.V. Nigmatullin. International Cooperation of States in Cyber Crime Combating.....	18
R.G. Nurmagambetov, A.N. Morozov, Yu.V. Bobrova, A.A. Kashirkina. The Eurasian Economic Union in the Orbit of the United Nations Organization: The International Cooperation Track	23
A.A. Dementyev, K.A. Sorokin. The Fund for Recovery of Losses and Damages in the Financial Mechanism System of the UNFCCC: The Legal Nature, Economic and Legal Instruments, and Liability Standards	29
O.V. Sergeeva. Legal Regulation of Online Resolution of Cross-Border Disputes Involving Consumers: Development Trends	34

INTERNATIONAL LAW AND HUMAN RIGHTS

E.A. Torkunova. The Right to Personal Integrity in the European Human Rights Protection System.....	39
--	----

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

S.Yu. Stramilov. Gender Aspects and Qualification of Killing of Women (Femicide) under the Laws of Foreign Countries	45
---	----

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of PhD and doctoral theses (5.1.3, 5.1.4, 5.1.5 — legal sciences).

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Complete or partial reproduction of materials without written permission of authors of the articles or the editorial office shall be prosecuted in accordance with law.

Materials are available in the electronic directory of the magazine and the ConsultantPlus reference legal system

EDITORIAL BOARD:

Vinogradov V.A., LL.D., Professor;
Egorova M.A., LL.D., Professor;
Yesayan A.K., LL.D., Professor (Armenia);
Kapustin A.Ya., LL.D., Professor;
Karpovich O.G., LL.D., Professor;
Kropachev N.M., LL.D., Professor,
corresponding member of the RAS;
Marochkin S.Yu., LL.D., Professor;
Nigmatullin R.V., LL.D., Professor;
Popov E.V., PhD (Law);
Sal'nikov V.P., LL.D., Professor;
Sergevnin V., LL.D., Professor (USA);
Slyusar' N.B., PhD (Law);
Stepanov O.A., LL.D., Professor;
Sukhanov E.A., LL.D., Professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the RF,
academician of the RAE

EDITOR IN CHIEF:

Truntsevskij Yu.V., LL.D., Professor

DEPUTY EDITOR IN CHIEF:

Masharov E.I., PhD (Law)

EDITOR OF THE ISSUE:

Nigmatullin R.V., LL.D., Professor

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Platonova O.F.

PROOFREADING: Sheshenya N.M.

LAYOUT: Kalinina E.S.

Address Editorial / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
Tel.: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

Subscription in Russia:

Post of Russia. Digital Catalogue — П1697
Ural-Press Agency — 39431.
Circulation 2000 copies.

Free market price.

Size 60x90/8.

Offset printing.

Printer's sheet 7.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel. (4842) 70-03-37

ISSN 1812-3910

Passed for printing: 07.11.2025.

Issue was published: 04.12.2025.

Kirill A. Sorokin, Postgraduate Student of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia Named after Patrice Lumumba

On the occasion of the eightieth anniversary of the United Nations, a new level of financing for combating climate change is being formed. At the United Nations Climate Conference, which took place in Egypt in 2022, the States agreed to create a special fund to assist developing countries in repairing the damage caused by natural disasters related to climate change. Since then, the Loss and Damage Compensation Fund (hereinafter referred to as the Fund) has been included in the broader financial structure of the United Nations Framework Convention on Climate Change, as well as in the 2015 Paris Climate Agreement service system. This article offers a comprehensive analysis of the legal foundations of the Fund, its governance and institutional autonomy, its approach to accumulation and allocation of resources, as well as its relationship with the Warsaw International Loss and Damage Mechanism 2013 and the Santiago Network. The emphasis is placed on the fact that the fund implements the principles of international solidarity rather than responsibility or compensation in accordance with article 8 of the Paris Agreement, while at the same time leaving room for future evolution towards more predictable and sustainable sources of funding. The article also outlines practical steps to improve access, equity, transparency, and coordination across the system.

Keywords: Loss and Damage Compensation Fund, UNFCCC, Paris Agreement, climate finance, Santiago Network, Warsaw Mechanism.

Legal Regulation of Online Resolution of Cross-Border Disputes Involving Consumers: Development Trends

Olga V. Sergeeva, Leading Research Scientist of the Private Law Center of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, PhD (Law)

The article is devoted to the trends in the development of legal regulation in the field of consumer protection when concluding cross-border distance contracts in the context of online dispute resolution procedures. The international standards developed in this area by the Organization for Economic Cooperation and Development, the United Nations Commission on International Trade Law, and the International Organization for Standardization are analyzed. Projects on the introduction of mechanisms for online resolution of cross-border disputes are being investigated, which, with varying degrees of success, have been implemented within the framework of regional associations and alliances, in particular, the EU, APEC. It is concluded that the creation of an effective international system for online resolution of cross-border disputes involving consumers will be facilitated not only by focusing on international standards developed by reputable organizations, but also by choosing the optimal organizational model.

Keywords: electronic commerce, consumer, digital platforms, cross-border dispute, legal regulation, international standards, online resolution, regional associations and alliances.

The Right to Personal Integrity in the European Human Rights Protection System

Ekaterina A. Torkunova, Associate Professor of the Department of Integration Law and Human Rights of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, PhD (Law)

The right to the physical and mental integrity of the person as a fundamental somatic right has specificities of recognition at the European regional human rights protection level. Such features consist in the diversity of legal sources, as well as in the controversial reflection within the two main European regional systems for the protection of fundamental rights: the Brussels system and the Strasbourg system. This article pays special attention to the case law of the European Court of Human Rights (ECtHR), which is formulated the right to the integrity of the person in its judgments, in particular, in the *Pretty v. UK* case. The article focuses on the ECtHR approach to the content of the right to integrity of the person, its genesis and the place among fundamental rights, as well as it describes the ECtHR interpretation of the personal right connection with its guarantees system that creates the basis for the implementation of thanatological rights and neurorights.

Keywords: personal integrity, somatic rights, thanatological rights, ECtHR, international standards, European standards, case law, neurorights.